

— Мамочка! — Чэнь Шуе просиял, завидев Сюй Ланьчжи.

Та с улыбкой откликнулась, подошла к сыну и, взяв его за руку, повела к дивану.

— Хорошо повеселился за эти дни? Завтра начинаются занятия, так что я приехала забрать тебя домой, — Ланьчжи ласково погладила мальчика по голове.

Чэнь Шуе кивнул. Мысль о том, что сегодня снова придется спать одному, вызвала у него прилив тоски по Лу-лу, хотя он еще даже не переступил порог родного дома.

— Ланьчжи, оставайся на обед, — предложила Бай Сюэцин. — Попьем чаю, а ближе к вечеру поедете. Я сама сегодня встану к плите — приготовлю твою любимую рыбу в печи. Как тебе идея?

Сюй Ланьчжи не спешила возвращаться.

— Давай, — согласилась она. — Давно я не пробовала твою стряпню. Помню, впервые этим блюдом меня угостила тетушка Тан.

— Нам тогда было по семь-восемь лет, — пустилась она в воспоминания. — Жили по соседству, целыми днями играли вместе... Как быстро летит время. Оглянуться не успели, а нам уже за тридцать.

— А ты помнишь! — улыбнулась Сюэцин. — Это было коронное блюдо моей мамы, но она уже лет двадцать почти не готовит. Я ведь специально у неё училась, только чтобы накормить тебя, вечно голодную.

— Счастье — иметь такую подругу, — Ланьчжи нежно улыбнулась.

Она посмотрела на Сюэцин, затем опустила взгляд и коснулась лица сына.

— Сяо Е — мой ребенок, но он и твой тоже, — вдруг тихо произнесла она. — Если однажды меня не станет... Сюэцин, возьми его к себе. Пусть он станет тебе сыном, а для Сяо Лу — вторым старшим братом. Было бы хорошо, правда?

Голос Ланьчжи звучал мягко, почти беспечно. Она смотрела на сына, но казалась отрешённой, словно замерла в одной точке, и эта точка лишь случайно совпала с лицом ребенка.

Фраза прозвучала то ли как шутка, то ли как нечто пугающе серьезное. Бай Сюэцин не сразу

поняла, к кому обращается подруга: к ней, к Чэнь Шуе или к самой себе.

Мальчик резко вскинул голову, глядя на мать. Он молчал, но мелко задрожал губами. Тот тут же снова опустил глаза, но Ю Лу успел заметить, как покраснели его веки.

Ю Лу поднялся с дивана, подошел к другу и накрыл своей маленькой ладонью его руку, лежащую на колене. Они часто спали вместе, и он знал, что Чэнь Шуе всегда горячий, словно маленькая печка — в любое время года температура его тела была чуть выше нормы.

Зимой Чэнь Шуе говорил ему: «Брат Сяо Е обнимет тебя, и ты не замерзнешь». Летом он повторял: «Лу-лу обнимет брата, и мне станет прохладно».

Но сейчас, в разгар знойного августа, Чэнь Шуе крупно дрожал, а кончики его пальцев были ледяными.

— Тётя Ланьчжи, не шутите так больше, — твердо сказал Ю Лу. Он стал непривычно серьезен, а улыбка исчезла. — Нам, детям, больно такое слышать.

— Ах... — Сюй Ланьчжи прикрыла рот ладонью, словно её душу только что рывком вернули в реальность. Она сама ужаснулась своим словам, не понимая, как они сорвались с языка.

Она притянула сына к себе, обнимая и шепча извинения:

— Сяо Е, прости меня. Мамочка не хотела, это всё глупости...

— Да. Я знаю, — в голосе мальчика послышалась гнусавость, но, подняв голову, он заставил себя улыбнуться. — Знаю, что ты нечаянно.

***

Пока Бай Сюэцин хлопотала на кухне, дети убежали наверх, в игровую. Ю Чжилай обустроил эту комнату для сына сам, и хотя Ю Лу уже подросток, отец никак не решался убрать игрушки для малышей.

Сюэцин позвала Ланьчжи помочь с продуктами. Какое-то время они работали молча. Наконец Сюэцин подошла и крепко обняла подругу.

Сюй Ланьчжи отложила недочищенный лист овощей и, уткнувшись лицом в плечо подруги, разрыдалась.

— Я правда не хотела этого говорить, — всхлипывала она, давась слезами. — Сама не знаю, что

на меня нашло. Я снова расстроила Сяо Е... Я плохая мать.

Сюэцин гладила её по спине, нашептывая утешения:

— Ты замечательная мать. Ты просто больна, и в этом нет твоей вины. Сяо Е не злится на тебя, — она крепче прижала к себе подругу. — Мы все рядом.

Она позволила Ланьчжи выплакаться.

Когда та немного успокоилась, она подняла голову и, по-детски вытирая слезы тыльной стороной ладони, шмыгнула носом. Ланьчжи была красавицей от природы и не любила макияж, поэтому её лицо не превратилось в грязную маску.

— Не три глаза руками, занесешь инфекцию, — негромко пожурела её Сюэцин. Она вытерла подруге лицо салфеткой и спросила: — Полегчало?

— Угу, — кивнула Ланьчжи и снова прислонилась к плечу Сюэцин, продолжая чистить овощи. — Хорошо, что ты у меня есть. Не представляю, что бы я без тебя делала.

— Ты виделась с доктором Ниной в России? — осторожно поинтересовалась Сюэцин.

Ланьчжи покачала головой.

— Канье был со мной, не стоило к ней ходить. Я не хочу, чтобы он знал. Хотя... — она сделала паузу и горько усмехнулась. — Скорее всего, он и так в курсе.

— За эти три года Чэнь Канье сильно изменился. Перестал допрашивать тебя или заставлять носить часы с датчиком. Мне казалось, ты не против его ухаживаний?

Сюэцин думала, что Ланьчжи собирается воссоединиться с бывшим мужем, но, судя по всему, та и не помышляла об этом.

— Это только потому, что сейчас у него нет формального права контролировать меня в открытую. Но откуда ты знаешь, что он не делает это чужими руками? — Ланьчжи отрешенно смотрела на бегущую из крана воду. — Он ведь органически не выносит, когда кто-то ускользает из-под его власти.

— Хочешь сказать, он подослал к тебе шпионов? — Сюэцин нахмурилась.

— Возможно. Но мне плевать. Даже если он знает, ему приходится делать вид, что нет, — Ланьчжи снова слабо улыбнулась. — Меня это устраивает. Хочу — иду с ним на свидание, не

хочу — не вижусь неделями. А если ему не по душе моя болезнь, пусть держится подальше.

Она говорила это небрежно, подставляя пальцы под струю воды и наблюдая, как та разделяется надвое.

— В конце концов, нужно просто радоваться жизни, верно? — Она вскинула голову, глядя на Сюэцин. — Ведь радость — это как раз то, чего мне сейчас не хватает больше всего.

***

В игровой комнате Чэнь Шуе молча обнимал Ю Лу.

Ю Лу не понимал до конца, что происходит с Ланьчжи и почему она говорит такие жестокие вещи, но он не стал расспрашивать друга. Он просто замер, позволяя Чэнь Шуе использовать себя вместо плюшевой игрушки.

— Я... я видел, как мамочка пьет таблетки. Много раз, — внезапно заговорил Чэнь Шуе, уткнувшись подбородком в плечо Ю Лу.

— Однажды ночью я услышал шаги. Спустился вниз и увидел её в столовой. Одну.

— Свет не горел, только луна светила в окно. Стол был завален вскрытыми блистерами, таблетки валялись повсюду. Мама водила по ним пальцами, а потом вдруг вскочила и смахнула всё на пол.

— В ту ночь я сидел на ступеньках и до самого рассвета смотрел, как она пьет вино.

Ю Лу чувствовал, как сильно сжимаются руки друга. Он не видел лица Чэнь Шуе, но знал, что тому невыносимо больно, и потому обнял его еще крепче.

— Потом я заметил, что она принимает лекарства четыре раза в день. Всегда прячется от меня. А когда выпьет — замирает на балконе и подолгу смотрит вниз, во двор... Не знаю, о чем она думает.

— Но мне каждый раз так страшно.

— Так страшно...

Чего именно он боится, Чэнь Шуе не мог облечь в слова. Это был липкий, первобытный ужас, который поселился в его сердце давным-давно, а теперь, напитавшись горем матери, разросся ядовитыми вьюнами, перекрывая дыхание.

<http://bllate.org/book/17465/1662050>